

И.Э. Ульянов

**«ПОКРЫЛИ СЕБЯ ВВИДУ ВСЕЙ АРМИИ
НЕОСПОРИМОЮ СЛОВОЮ».
2-Я БРИГАДА ГВАРДЕЙСКОЙ ДИВИЗИИ
В СРАЖЕНИИ ПРИ БОРОДИНЕ**

Участие лейб-гвардии Измайловского и Литовского полков в сражении при Бородине 26 августа (7 сентября) 1812 г., несмотря на обилие опубликованных сведений, оставляет немало вопросов. До сих пор нам точно не известны ни время прибытия бригады к позиции у д. Семёновское, ни очертания самой позиции, ни перипетии боевых действий в тот трагический и славный день.

В данном исследовании мы постараемся прояснить некоторые из этих вопросов, прекрасно понимая, что найти точные ответы уже не представляется возможным в связи с ограниченностью круга источников и малой вероятностью расширения этого круга. По сути, мы обладаем всего лишь несколькими основными первичными документами (рапорты командующего лейб-гвардии Измайловского полка полковника А.П. Кутузова от 1 сентября 1812 г.¹, командира лейб-гвардии Литовского полка И.Ф. Удома от 31 августа 1812 г.², генерал-лейтенанта П.П. Коновницына от 19 сентября 1812 г.³) и несколькими производными от них донесениями, рапортами начальников войск, которые сражались рядом с бригадой (в них о гвардейцах говорится вскользь, либо вообще прямо не упоминается), мемуарами генералов и офицеров (из которых наиболее подробные – воспоминания генерала от инфантерии В.И. Тимофеева, при Бородине подполковника лейб-гвардии Литовского полка) и мемуарами офицеров неприятельской армии, в которых можно угадывать эпизоды противостояния с русской гвардией. В большинстве исторических работ участие гвардии в сражении на левом фланге освещено

щается вполне стандартно; особое внимание уделяется отражению трёх кавалерийских атак, а в более подробных трудах, таких как полковые истории, упоминается о борьбе за высоты к югу от деревни.

Мы постараемся сопоставить весь ряд доступных источников, а также проделать тактико-топографический анализ позиции к югу от д. Семёновское. Конечно, есть возможность лишь приблизительно указывать расположение батальонов на местности, исходя из показаний источников, опираясь на основы тактики, нюансы топографии, а также руководствуясь соображениями элементарного здравого смысла.

Одной из наиболее уязвимых составляющих этого процесса, как ни странно, является слабая картографическая проработка поля сражения. К сожалению, за 200 лет чрезвычайно тщательного изучения истории Бородинского сражения так и не был проделан сравнительный анализ известных карт и сверка их с существующим ныне ландшафтом, а потому мы будем оперировать неким скоррелированным рельефом, используя целый ряд карт и планов, текстовых источников, а также комплекс сохранившихся ориентиров.

Выдвижение на позицию

Прежде всего остановимся на факторе времени.

По донесению командующего 5-м корпусом Н.И. Лаврова, «в день сражения 26-го августа в 5 часов утра вся гвардейская пехотная дивизия... заняла позицию позади правого фланга 2-й армии для подкрепления оной»⁴. Почти сразу гвардейцы услышали шум усиливающегося боя со стороны с. Бородина, а также нарастающую канонаду в районе левого русского фланга. Наступление рассвета позволило командованию оценить силу французской атаки на левом фланге и быстро отреагировать на опасность, направив туда ближайшие по расположению войска (что было сделано, минуя командующего 1-й армией Баркляя де Толли).

Исходя из текста рапорта полковника А.П. Кутузова, командующий Измайловским полком полковник М.Е. Храповицкий по приказанию генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова, «получа в командование сверх второй гвардейской пехотной бригады, еще Сводную гвардейскую, и препоруча Лейб-Гвардии Измайловской полк старшему по нём полковнику Козлянинову, поутру в 6-ть часов приказал построиться по-баталионно в колонны к атаке и выступить из резерва, в котором до тех пор находились, для занятия позиции в передней линии».

Полковник И.Ф. Удом не упомянул о времени выступления, но тем не менее уточнил цель перемещения: полк «был откомандирован во 2-ю западную армию к его сиятельству к господину генералу от инфантерии и кавалеру князю Багратиону, к деревне, влево от Бородина, где и постановлен был на высоте левого нашего крыла для прикрытия батареи и удержания позиции».

Оставляя некоторое время на построение и организацию движения после получения приказа, мы можем смело сдвинуть момент выступления отряда на 6.15 утра. Известно, что первые потери от артиллерийского огня измайловцы понесли ещё на марше у д. Семёновское, т.е. через 15–20 мин. после начала движения. Учитывая, что в рапортах как Измайловского, так и Литовского полков однозначно указывается период нахождения под огнём противника (13 часов), и принимая за время завершения артиллерийского обстрела примерно 19.30, мы получаем тот же результат: выйдя из резерва, полки почти сразу попали под огонь. Очевидно, обе бригады заняли позиции южнее Семёновского в 7.00–7.15 и уже около 9.00 1-я сводно-гренадерская бригада приняла участие в контратаке под командованием П.И. Багратиона в районе флешей.

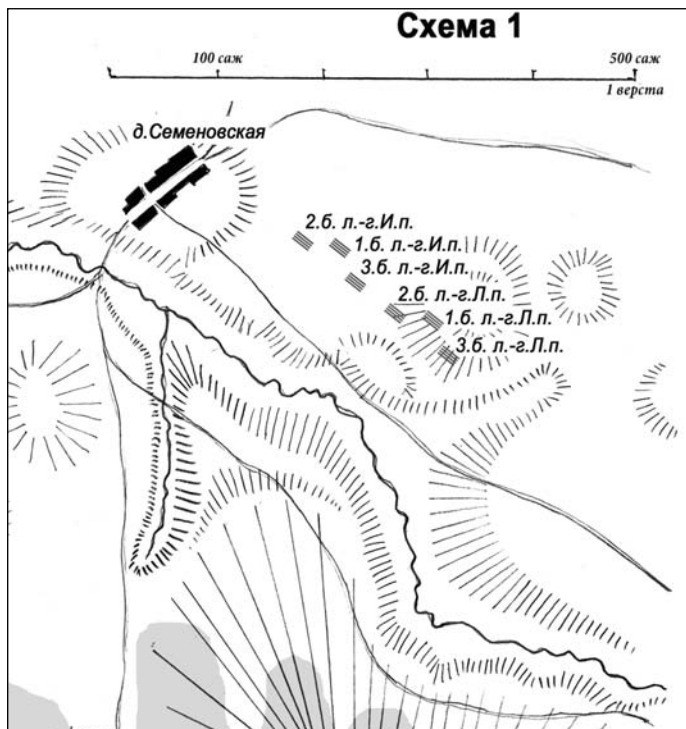
Первоначальный боевой порядок 2-й гвардейской бригады неизвестен, но, судя по дальнейшим эволюциям, оба полка выстроили единую линию колонн к атаке недалеко от оврага: Измайловский полк севернее, ближе к деревне, Литовский южнее.

Начало боевых действий бригады

Согласно современным исследованиям, окончательно флешы были оставлены около 10 часов утра⁵. Через Семёновский овраг потянулись расстроенные тяжёлым боем и потерями в командном составе остатки 27-й пехотной, 2-й сводно-гренадерской дивизий и 1-й сводно-гренадерской бригады. Часть гренадер пристраивалась к гвардейским батальонам, остальные вскоре были собраны генерал-майором Д.П. Неверовским и развернулись в стрелковую цепь перед бригадой. Сам Неверовский в рапорте отмечал: «...невзирая на контузию, мною полученную в левую руку, явился к генералу от инфантерии Дохтурову, почему был им поставлен впереди полков лейб-гвардии, для составления цепи стрелков на левом фланге, которую и содержал до самой ночи»⁶.

Еще раньше взявший на себя командование до прибытия Д.С. Дохтурова генерал-лейтенант П.П. Коновницын приказал Храповицкому

поставить колонны ан-эшикье: в каждом полку в первой линии встали 2-й (справа) и 3-й батальоны, во второй линии – 1-й батальон. На приведённой схеме (схема 1) мы представили участок поля с наиболее вероятным расположением батальонов бригады.

Две ближайšie к деревне с юга высоты были заняты гвардейскими батареейными ротами. Судя по тексту воспоминаний, можно предположить, что на высоте, где ныне установлен памятник 2-й кирасирской дивизии, расположилась лейб-гвардии артиллерийской бригады батареейная рота №2 генерала от артиллерии графа Аракчеева под командой полковника Р.М. Таубе. О её посещении в своих мемуарах писал Тимофеев: «Любопытствуя видеть неприятельские колонны, по которым стреляла наша батарея, я подъехал к батарее, но дым от выстрелов и пыль, взвиваемая ветром от взрытой под артиллерией земли, застилали собою французские войска, что и заставило меня спуститься перед батареей под гору. Выйдя из облаков пыли и дыма, я усмотрел, что вы-

шедшие из леса неприятельские войска формируют колонны, большею частью, вне выстрелов нашей артиллерии. Поспешно сообщив о сём начальнику батареи полковнику Таубе, я просил позволить мне навести левофланговое орудие, по соображению, на скрывшиеся перед лесом неприятельские колонны. Посланный на спуск горы фейерверкер подтвердил удачное направление этого орудия, но едва я успел из него сделать несколько выстрелов, как неприятельское ядро, ударив в левую ось, опрокинуло орудие. В это время полковник Таубе подошёл ко мне и сказал, что у орудий осталось не более, как 3 человека прислуги, просил прислать несколько нижних чинов из моего батальона, что я и исполнил, приведя в его распоряжение около 50 человек из числа помянутых grenадер, пристроившихся к батальону. Без сих людей, по словам благодарившего меня за них полковника Таубе, батарея не могла бы действовать, а в случае отступления подвергалась бы совершенной опасности⁷. По приведённому тексту можно сказать, что посещение батареи состоялось в период относительного затишья на левом фланге после отступления русских войск от флешей, но ещё до начала атак на д. Семёновское. В описании позиции хорошо угадывается и местоположение высоты, спустившись с которой «под гору», т. е. в пологий Семёновский овраг, можно было разглядеть перемещения неприятеля (по всей видимости, частей корпуса Даву) на опушке Утицкого леса.

В это время позицию на берегу оврага заняла кавалерия (возможно, эскадроны 1-й бригады 4-го резервного кавалерийского корпуса – Черниговского и Киевского драгунских полков), которую и увидел офицер 2-го кирасирского полка Великой армии А. Тирион: «Мы продолжали нашу атаку на равнине вплоть до артиллерии, поддерживаемой русскими кирасирами и драгунами. Доскакав до них, мы были поражены их неподвижностью, не понимая, почему неприятельская кавалерия не вынеслась перед своей артиллерией для её защиты и для встречи нашей конницы; только очутившись в 100–110 шагах от русской артиллерии мы поняли, в чём дело, ибо причина стала ясна – это условия местности, что не могло быть нами принято в соображение... Обстоятельство это объясняется тем, что равнины эти (т.е. равнины для глаз) изборожжены оврагами, которые только тогда и заметишь, когда они уже у вас под ногами, подобный же овраг находился теперь перед линией русского расположения, играя роль рва и вала, которые и помешали нам атаковать эту линию. Доказывая наше желание ви-

деть русскую армию поближе, мы спустились в овраг с целью выскочить на противоположный берег, но дно оврага оказалось болотистым, передовые лошади в нём завязли, и нам волей-неволей пришлось вернуться обратно и стать в боевом порядке фронтом к неприятелю по сию сторону оврага и на краю его.

В подобных условиях расположения мы очутились в ста шагах от русских орудий, которые не замедлили встретить нас беглым огнём. Признаюсь, редко когда приходилось мне переживать подобную передрагу. Во время атаки, которая к тому же и не может быть продолжительной, каждый всадник, находясь в оживлении, наносит удары, отражает, если может, ему наносимые, – вообще тут существует движение, действие, борьба человека с человеком, но в данном случае было нечто совсем другое. Неподвижно стоя перед русскими, мы отлично видели, как орудия заряжались теми снарядами, которые должны были лететь в нашу сторону, и как производилась наводка орудий наводчиками; требовалось известное хладнокровие, чтобы оставаться в этом неподвижном состоянии. К счастью, вследствие ли взволнованного состояния прислуги или плохой стрельбы или по причине близости расстояния, но только картечь перелетала наши головы в нераскрытых ещё жестянках, не успев рассыпаться и рассеяться своим безобразным веером.

Долго простояли мы здесь, ожидая пехоты. Наконец подошла вестфальская дивизия и стала позади нас, отделённая от русских двумя шеренгами наших лошадей, совершенно нами прикрытая, но когда поворотом "повзводно направо" мы открыли интервалы между взводами, по которым пехота могла бы пройти вперед, стать перед нами и вступить в бой, то бедные вестфальцы, наполовину рекруты, изумлённые подобной близостью орудий, а также и под впечатлением того обстоятельства, что мы собираемся отходить, начали кричать: "Wir bleiben nicht hier, wir bleiben nicht hier" – и пожелали присоединиться к нашему отступательному движению.

Это обстоятельство вынудило нас вернуться, чтобы поддержать, или вернее успокоить пехоту, по пятам которой шли наши лошади. Этим манёвром мы продвинули пехоту эту к краю оврага, в который и заставили её спуститься на несколько шагов, с расчётом укрыть людей от огня русской артиллерии... Эта пехота из оврага немедленно открыла огонь по артиллерии и прикрывающей её кавалерии. Тогда русской артиллерии и кавалерии, очутившейся в 85 шагах под огнём пехоты

вестфальцев, только и оставалось, что отойти назад и дать место своей пехоте, которая и завязала ружейный огонь с вестфальцами. Нас отодвинули назад, чтобы вывести из сферы ружейного огня»⁸.

Французскую кавалерию обстреливали также орудия лейб-гвардии артиллерийской бригады батареей роты №1 Его высочества. Сама рота, по всей видимости, занимала высоту юго-восточнее, а поручик Ярошевицкий с двумя орудиями, согласно его рапорту П.П. Коновницыну, по требованию последнего пришёл «на место, между Измайловским и Литовским полками, в присутствии Вашего Превосходительства, построив батарею, начал действовать картечью по колонне неприятельской кавалерии, отстоящей от меня около 100 сажен. Выстрелы были удачны и кавалерия, быв смешана, обратилась в бегство. При сём случае Ваше Превосходительство приказывали мне стрелять почаще. Несмотря на неприятельскую превосходящую числом орудий батарею, построенную на месте кавалерии и действующую по мне картечью, выстрелив я все гранаты, картечи, ядра и даже брансугели, потеряв довольно число людей, так, что одно орудие не могли взять на передок, разрешен был Вашем Превосходительством отправить орудия в резерв, в то уже время, когда вышеописанные гвардейские полки пошли на штыки»⁹.

В последнем предложении содержится указание на атаку гвардии, что можно объяснить следующим образом. Ведя безостановочный огонь, артиллерия косвенным образом защищала пехоту, во-первых, вызывая огонь на себя, а во-вторых, застилая поле сражения густой смесью дыма и пыли. Артиллерия эта стояла заманчиво близко от оврага, поэтому можно предполагать, что какие-то подразделения атакующей деревню дивизии Фриана (вероятно, 48-й линейный полк, занимавший правый фланг) или вестфальцев попытались захватить батарею Таубе, но были отражены контратакой 2-го батальона лейб-гвардии Литовского полка (возможно, при содействии измайловцев), что подтверждается рапортом Удома: «По приходе полка на оное место, неприятель сделал сильное нападение на батарею нашу, о чём известясь я от артиллерийского полковника Таубе, пошёл со вторым батальионом вверенного мне полка и, сделав сильной отпор, прогнал неприятеля, который, после усились, принудил всю линию нашу отступить на 50 шагов».

Таким образом, русская гвардейская пехота несколько отодвинулась от оврага, оставив на месте цепи стрелков.

Первое нападение кавалерии

Начинался следующий акт драматического действия. В рапорте Удома сказано: «Неприятель осыпал нас ядрами и картечами и выслал на полк кавалерию в атаку. Все три батальона мною к сему построены были в каре против кавалерии, быв окружены многочисленным неприятелем, приняли оного храбро и мужественно, и, подпустя на дистанцию, выстрелив прежде батальным огнём, закричав ура, расстроили и прогнали неприятеля до самой высоты с большим для него уроном как убитыми, так и ранеными, а в плен по ожесточении наших солдат никого не взято. С нашей же стороны никого от кавалерии тогда ранено не было. Неприятель, собравшись на той же высоте, вторично сделал нападение на полк, но с таковым же мужеством получил отпор, отретировался вправо».

Тимофеев описывал действия своего батальона по-другому: «Неприятельская колонна кирасиров шла прямо на нас и, вероятно, намеревалась прорвать центр расположения наших полков, потому что атаковала командуемый мною 2-ой батальон Литовского полка, находившийся в первой линии. Скомандовав батальону, построенному в каре против кавалерии "на руку", я строго запретил стрелять без моего приказа, а велел только делать ружьями движения в стороны, зная из собственного опыта, что лошади не пойдут на блистающие штыки, тех же лошадей, которых кирасиры заставят приблизиться к фронту, колоть в морду. Это распоряжение имело самые успешные последствия. Кирасиры, окружив каре со всех сторон и, не видя возможности нас расстроить, начали по сигналу, на рысях, формировать колонну шагах в 30 перед передним фасом каре, с явным намерением ударить массой оной. Чтобы не допустить до исполнения сего намерения, я воспользовался замешательством начавшегося построения, когда каждый всадник искал своего места, скомандовал "ура", и батальон бросился в штыки. Передние ряды кирасиров, отыскивая свои места и не имея через то прочного фронта, будучи поражаемы штыками, не устояли, но удерживаемые задними взводами, не могли избежать большого поражения, и только после отчаянного их крика вся кавалерийская колонна обратилась в бегство. Батальон ещё некоторое время гнался за кирасирами, когда же они отделились, произвёл по бегущим пальбу, чем и довершено поражение. Не порывом безотчётной храбрости был увлечён я, бросаясь

в атаку с батальоном, но верным соображением и расчётом успеха разбить неприятельскую колонну, стоявшую на месте.

В это же время каре 3-го батальона Измайловского полка, стоявшего правее, открыло пальбу рядами. За дымом нельзя было видеть, что выстрелы по бегущему неприятелю попадают в Литовцев, выдвинувшихся вперёд из линии, вследствие предшествовавшей атаки. Затрудняясь дать знать этому каре, что выстрелы оно попадает в нас, я побежал к оному сам (верховая лошадь моя была уже давно убита) и под дымом выстрелов набежал прямо на капитана Катенина, стоявшего на левом угле переднего фаса. Начальник каре, узнав от меня о помянутом обстоятельстве, приказал ударить дробь и прекратить пальбу.

Возвратясь к батальону, я отвёл его на прежнее место и построил опять каре против кавалерии»¹⁰.

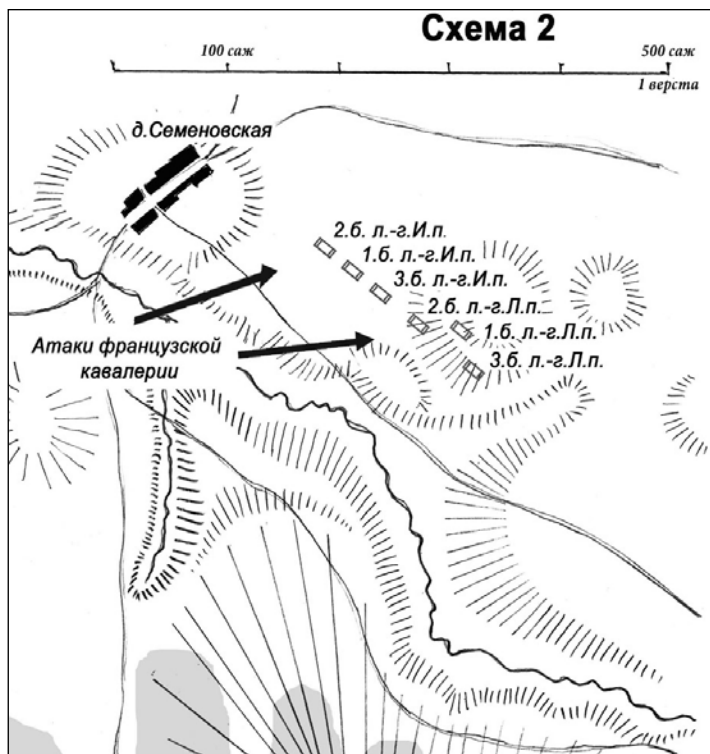
Перед измайловскими каре ситуация развивалась несколько иначе: «Вскоре показавшаяся от нас вправо неприятельская кавалерия побудила выдвинуть колонну 1-го батальона из положения её ан-эшике на линию с колоннами 2-го и 3-го батальонов, причём г. полковник Храповицкий приказал построить из колонн карей противу кавалерии.

Неприятельские кирасиры не замедлили с чрезвычайным стремлением броситься в атаку, но за дерзость свою дорого заплатили; все карей с удивительною твердостью, допустив их на размерной выстрел, открыли с фасов, к неприятелю обращённых, батальной огонь; латы им были слабой защитой, не придавая мужества. Мгновенно показали они тыл и в беспорядке обратились в бегство. Свежая кавалерия, состоящая из конных гренадер, покусилась было поправить неудачу первой атаки, но быв принята таким образом, так же опрокинута и с тем же стыдом назад возвратилась; несколько из них, осмелившихся доскакать до кареев, были за дерзость наказаны штыками. В сие время около 12-го часа храбрый начальник наш г. полковник Храповицкий был ранен картечью навывлет в ляшку...»¹¹.

Учитывая подробности описанных действий, мы всё-таки должны согласиться с тем, что атака французской кавалерии на бригаду имела место, причём она велась одновременно на правые фланги обоих гвардейских полков (схема 2).

В рапорте А.П. Кутузова упоминается одна атака кирасиров и одна атака «конных гренадер», в воспоминаниях Тимофеева – атака одной колонны кирасиров.

Более того, в рапорте командира 1-й бригады 4-го резервного кавалерийского корпуса и шефа Черниговского драгунского полка генерал-майора И.Д. Панчулидзева 1-го от 5 сентября 1812 г. содержатся и более подробные сведения об этой атаке: «...поставлены первый и четвёртый эскадроны с двумя эскадронами Киевского драгунского полка господином генерал-адъютантом графом Сен-При за пехотными колоннами.

Но в ту же минуту кирасирский неприятельский полк под командою генерала Нансути бросился на пехотную нашу колонну. Тогда генерал-майор Панчулидзева 1-й стремлением повёл оными четырьмя эскадронами на неприятеля атаку; сильным ударом опрокинули оно-го и тем спасли пешую нашу колонну. Потом, поддерживаемы будучи кирасирскими полками, совершенно истребили неприятеля, так что генерал Нансути, будучи ранен из пистолета, не более как с 30-ю че-

ловеками спасся бегством. Потом, когда и другой неприятельский кирасирский полк бросился на наши пешие колонны, тогда вторично Черниговского драгунского полка два эскадрона вместе с Екатеринославским кирасирским полком, ударив на неприятеля, почти совершенно истребили оного; и взято в плен обер-офицер один, латников тринадцать человек»¹². В контратаке приняли участие и русские кирасиры 2-й кирасирской дивизии. Граф Сен-При, получивший ранение около 10 часов утра, в это время оставался при каре Литовского полка.

Все упомянутые неприятельские войска хорошо вписываются в перечень потерь частей 1-й кирасирской дивизии Великой армии: так, 2-й кирасирский полк потерял одного офицера убитым и семерых ранеными, 3-й – одного и 14, 9-й – четырёх убитыми, девять ранеными и одного пленным; в 1-м шволежерском два офицера были ранены¹³. Очевидно, 9-й и ещё один кирасирские атаковали измайловцев, попадая под контратаки русской кавалерии, ещё один кирасирский – литовец. В последней атаке подоспели и шволежеры, а с точки зрения русских офицеров – «конные гренадеры».

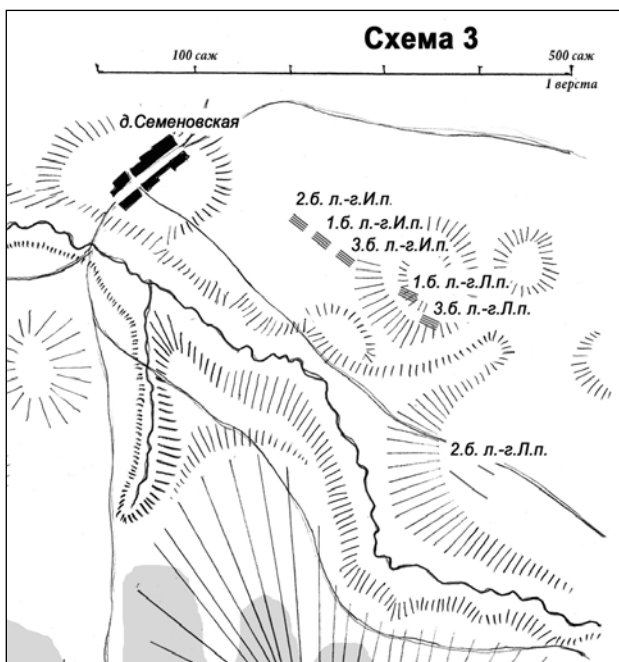
Сохранилось несколько свидетельств о действиях измайловцев при отражении кавалерийской атаки: «Фельдфебель Леханов, испросив дозволение своего ротного командира, вышел из каре, и прицелясь в штаб-офицера, выстрелом положил его наповал. Подпрапорщик Безобразов, стоя за офицера в углу каре, бросился на скакавшего мимо его кирасира, и штыком заколол его. Рядовой Головин, во время первой атаки, вышел, с разрешения начальства, из фронта, взял и привёл к баталиону, одного за другим, четырёх кирасиров, под которыми были ранены и убиты лошади. Рядовые Щедров, Лыткин, Романов, Руслов, Васильев и Павлов перекололи нескольких латников, отставших от обратившихся в бегство их товарищей, и шестерых захватили в плен»¹⁴.

Упомянем и о достаточно курьёзном анекдоте, имеющем отношение к этому моменту боя. В «Журнале участника войны 1812 года» Симанского записаны разговоры офицеров в Тарутинском лагере: «...вчера говорили, что во время Бородинского дела один кирасир заехал к Литовскому полку, сочтя его по лацканам за французский, и, быв навеселе, кричал: полно служить русским, я к вам, камрады, теперь пойду; этого молодца сейчас схватили»¹⁵.

Действия 2-го батальона лейб-гвардии Литовского полка

О следующем эпизоде боя Удом оставил достаточно краткое упоминание: «...высоту [на левом фланге] стали занимать неприятельские стрелки, для чего мною и был послан подполковник Тимофеев со вторым баталионом сбить неприятеля и занять оную. Что, хотя и с довольным успехом им было исполнено, но как уже неприятель несколькими колоннами усилился на сём пункте и подкреплял своих стрелков, то овладеть оной высотой уже полку было невозможно. Тут ранен пулею в ногу подполковник Тимофеев, и баталион отступил к полку».

Речь, вне всякого сомнения, идёт о высоте к югу от места первоначального положения бригады; сейчас на этой высоте размещены памятники лейб-гвардии Литовскому и Финляндскому полкам (схема 3).

Из воспоминаний Тимофеева следует, что события развивались ещё более драматично. Высота была занята батальоном, который и удерживался там сначала под командованием самого Тимофеева, а после его ранения – капитана Арцыбашева. «Французские батареи снова начали действовать по нас картечью. Вблизи неприятеля не

было видно; но влево с версту или около версты, из-за леса выходила французская пехота с артиллерией, вероятно с тем, чтобы занять высоту, находившуюся на протяжении нашего левого фланга... А между тем влево от Л.-Гв. Литовского полка войск почти не было: 3-я дивизия ещё до очищения нами Семёновских укреплений была передвинута по приказанию Коновницына к с. Семёновскому; 21-я и 2 грена[дерская] дивизии также занимали Семёновское; сводная гренадерская дивизия почти не существовала; отдельные её кучки пристроились к каре Литовского и Измайловского полков. Л.-Гв. Филяндский полк стоял в 3/4 версты позади Семёновского на дороге в Псарёво, следовательно также довольно далеко от Литовского полка. Положение Литовцев было критическое.

Я просил полкового командира полковника Удома командировать меня для занятия этой высоты; но он не решался, отзываясь приказом строго воспрещавшим оставлять назначенные места. В это самое время подъехал с левой стороны к нашему полку генерал Коновницын. Я поспешил обратить его внимание на движение неприятеля и доложить, что под картечью перекрёстных огней мы потеряли много людей, но эта потеря ничто в сравнении с последствиями, если французы, заняв высоту у нас на левом фланге и далее беспрепятственно могут обойти и явиться у нас в тылу.

У генерала Коновницына невольно вырвалось восклицанье: "Боже мой, что делать!" Эта фраза в устах неустрашимого генерала доказывает важность и трудность минуты.

Он обращается с вопросом к полковнику Удому, нет ли вблизи армейских полков и, услышав отрицательный ответ, сказал: кого же послать? Я вызвался на это назначение и получив дозволение поспешил с своим 2-м батальоном через кустарник занять высоту. Рассыпав по ней 6 взводов в стрелки, оставив в резерве за горой под начальством капитана Арцыбашева два взвода 2-ой гренадерской и 4-ой фузилёрных рот.

В это время французская войска из двух егерских батальонов с 6-ю орудиями, двух колонн гренадер, имея в третьей линии колонну драгун, стали выстраиваться впереди леса.

Французы без сомнения предполагали значительные силы за высотой, занятой батальоном, остановились и ограничились одною перестрелкою. Но их старший начальник (у которого вероятно под командой состоял этот отряд), находясь в довольно значительном

расстоянии позади на одной из высот, хорошо видел какова наша численная сила. Два адъютанта поскакали от него, конечно с приказанием – решительно атаковать.

Не видя возможности устоять против в 5 или 6 раз превосходящих сил противника, я решил хоть удержать их от смелого напора.

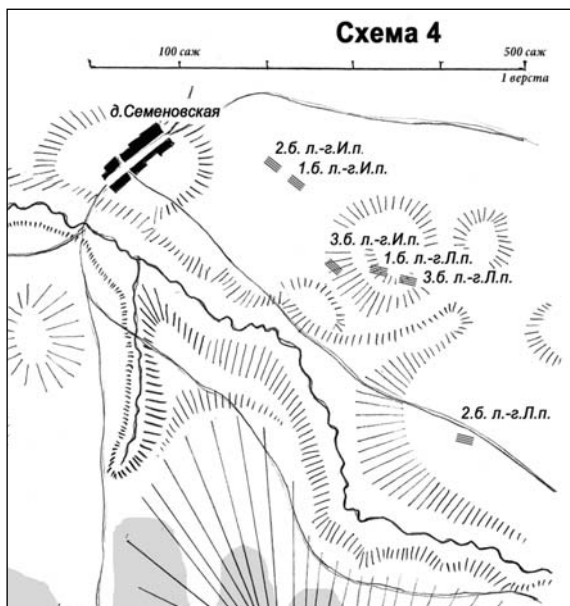
Пришлось пуститься на хитрости: оба взвода стоявшие в резерве были поставлены в одну линию и притом не в три, а в две шеренги, и как только французская колонны, предшествуемые густыми цепями, двинулись вперед, резервные взводы поднялись на высоту и остановились так, чтобы неприятель мог видеть только головы солдат первой шеренги и принял бы их за голову сильной колонны, готовой вступить в бой. Обманутые таким образом французы снова остановились и снова открыли огонь, а взводы капитана Арцыбашева скрылись за высотой.

Французский генерал, выведенный из себя, послал ещё трёх адъютантов с приказанием атаковать высоту; отряд двинулся вперед, но капитан Арцыбашев опять показался из-за высоты со своими тощими резервами, и французские колонны опять остановились. Таким образом 2-ой батальон Л.-Гв. Литовского полка, истощенный предшествовавшими потерями удерживал высоту без всякой посторонней поддержки и без резерва, сильно страдая от огня многочисленного неприятеля. В это время я был тяжело ранен в левую ногу с раздроблением кости. Не чувствуя сначала большой боли, я перевязал крепко платком рану и оставался значительное время при батальоне; но когда начало ногу сводить и боль чрезвычайно усилилась, я подозвал к себе капитана Арцыбашева, объявил ему о своей ране и о том, что не имею уже сил стоять и поручил ему командовать батальоном. А чтобы не обескураживать солдат, я не взял ни одного человека для помощи, хотя и чувствовал, что далеко не уйду, и пошёл опираясь на саблю искать лекаря».

Движение 3-го батальона лейб-гвардии Измайловского полка

Уход правофлангового 2-го батальона Литовского полка заставил Коновницына прикрыть образовавшуюся лакуну около действующей батареи измайловским батальоном. Из рапорта полковника А.П. Кутузова: «По отражении кавалерии, неприятель открыл опять огонь, картечи осыпали твёрдые колонны наши, но они стояли неподвижны. По приказанию г. генерал-лейтенанта Коновницына г. полковник Мусин-Пушкин отрядил третий баталион для занятия высоты, находившейся от одного влево. Сей баталион под

командою капитана Мартынова вступил на высоту, занял оную и, составив пред собою цепь стрелков, держался на оной до тех пор, пока заступивший место раненого за несколько пред тем капитана Мартынова штабс-капитан Котенин получил приказание от генерал-майора Васильчикова, сделал колонной облическое вперёд движение и отправился для прикрытия батареи, находившейся в правом фланге баталиона шагах в двух стах от оного. Огонь неприятельской артиллерии, действовавший на сию батарею, не воспрепятствовал колонне исполнить данные препоручения в совершенном порядке».

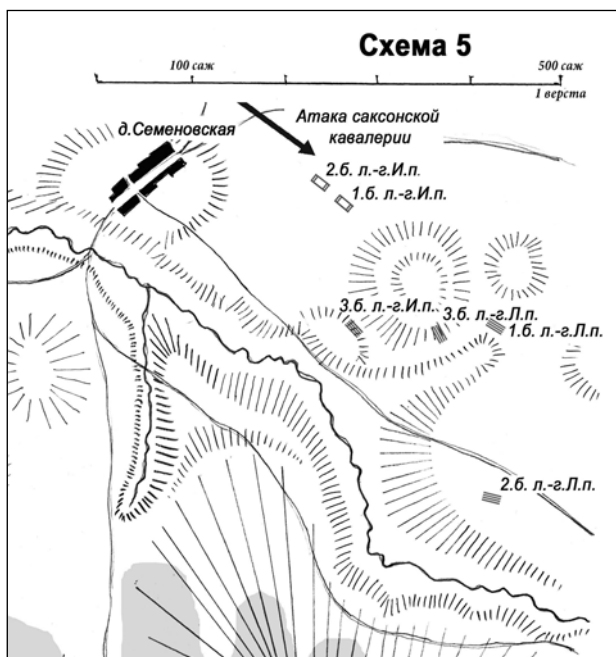

Коновницын в своём рапорте командующему также упомянул этот эпизод: «3-й баталион Измайловскаго полка и полк Литовский, кои в особенности имели ввиду прикрывать бывшую правее их батарею, исполнили сие вовсе время как нельзя лучше, уничтожая совершенно все покушения на оную» (схема 4).

Отражение атаки кавалерии на 1-й и 2-й батальоны лейб-гвардии Измайловскаго полка

В это время два других батальона лейб-гвардии Измайловскаго полка приняли участие в отражении ещё одной кавалерийской атаки.

«Во время сих подвигов третьего баталиона г. генерал-лейтенант Коновницын, находясь при нас и разделяя общую опасность, приказал поставить колонны 1-го и 2-го баталиона уступом, дабы доставить тем взаимную между ими фланговую оборону и построиться в каре противу кавалерии. Неприятельская конница еще раз возобновила своё нападение, но перекрёстным огнём сих двух баталионов была истреблена и рассеена. С тех пор не осмелилась она уже более беспокоить колонн наших и только издали смотрела на место своего поражения», – отмечал в своём рапорте А.П. Кутузов.

1-й и 2-й батальоны Измайловского полка были оставлены дальше от оврага и прикрывали весь отряд от нападений со стороны д. Семёновское. Как раз оттуда, с севера, в обход деревни ударили кавалеристы бригады Тильмана, но их запальчивый наскок был пресечён гвардией, а затем и кавалерией (схема 5).

Согласно полковой истории измайловцев, завидя кавалерию, командир 2-го батальона полковник Филатов обратился к солдатам: «Сегодня вы разделяетесь с французами, а завтра будете разде-

ливаться со мной, если только кто-нибудь из вас начнёт стрельбу без команды»¹⁶. В каре измайловцев к этому времени находились как Коновницын, так и присланный для командования войсками генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров. Фактически это и стало основной причиной выделения двух батальонов в отдельную группу: они играли роль охраны нового штаба 2-й армии, а потому и не участвовали в активных перемещениях по местности.

Действия лейб-гвардии Литовского полка

А литовцы к этому времени вели затяжной тяжёлый бой за высоту на левом фланге. Удом сообщал, что «по приказанию господина генерал-адъютанта графа Сен-При откомандированы были два батальона для подкрепления высланных им армейских стрелков, где я ранен в правую руку пулею (судя по рапорту А.П. Кутузова, Удом был ранен около 15 часов. – *И.У.*)¹⁷, с начала же сражения старший подполковник Угрюмов уже был ранен, и потому остался при полку подполковник Шварц».

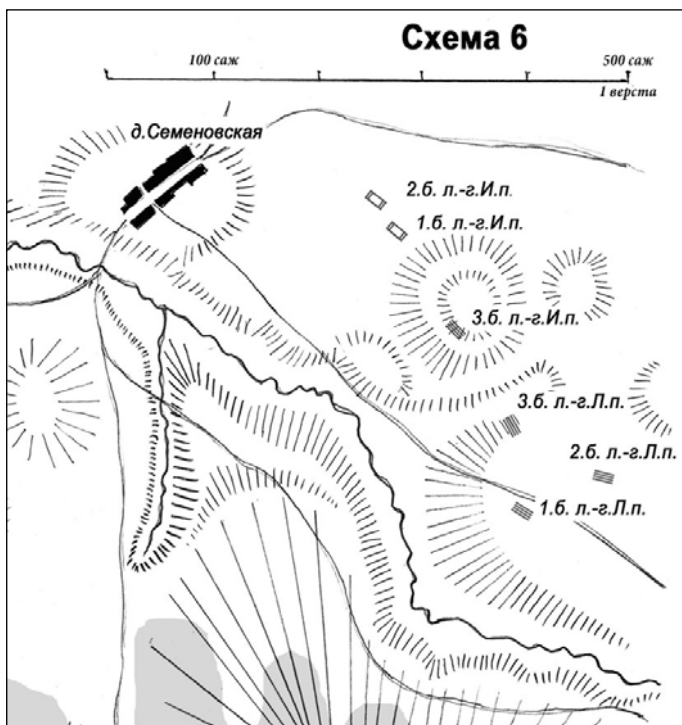
Маршрут движения двух (1-го и 3-го) батальонов Литовского полка не совсем понятен. Очевидно, подкрепляя стрелков, они выдвинулись несколько южнее и ближе к оврагу; в этом случае 3-й батальон начал боевые действия, а 1-й оставался в резерве. Судя по упомянутому ранению Удома, Шварц вступил в командование полком около 3 часов пополудни. Близился последний акт борьбы бригады за берег Семёновского оврага. 2-й батальон был вытеснен с высоты, а 3-й понёс немалые потери, прикрывая стрелков. Высоту, столь важную в тактическом отношении, нужно было возвращать.

«Шварц... оставя 2-й и 3-й батальоны уже много претерпевшие убитыми и ранеными, в подкрепление пошёл с 1-м батальоном на оную высоту и выслав стрелков, овладел совершенно оною. Урон с обеих сторон был велик, причём и сам получил смертельную рану, от которой на другой день по утру помер»¹⁸.

Уже в самом начале атаки Шварц был ранен пулей в локоть, но продолжал командовать. Вторая пуля попала ему в живот. Не в силах самостоятельно передвигаться, но и не желая оставить начатое дело, он приказал двум солдатам поддерживать его по бокам и возглавил атаку.

Овладев высотой, полк уже полностью переместился на её склоны, прикрывая, видимо, южное и юго-западное направления, откуда выдвигались колонны вестфальцев. Можно предположить, что на

высоту передвинулась и сильно пострадавшая, но не утратившая боеспособности батарейная рота графа Аракчеева под командой штабс-капитана Демидова. Из наградных документов следует, что он, «принявши роту после раненого полковника Таубе, продолжал поражать неприятеля и был переведён на другую позицию левее лейб-гвардии Литовского полка, где также наводил вред неприятельским батареям и останавливал его колонны искусным действием своих орудий и получил в руку контузию»¹⁹.

Общее командование войсками, собравшимися на этой высоте, принял генерал-майор И.В. Васильчиков, который «собрал рассеянные остатки 12-й и 27-й дивизий и с Литовским гвардейским полком удерживал до вечера важную высоту на левой конечности всей нашей линии находящейся»²⁰ (схема 6).

В списке отличившихся генералов, поданном 29 сентября 1812 г. в рапорте М.И. Кутузова Александру I, о Васильчикове говорилось сле-

дующее: «С отличным мужеством и храбростию атаковал с полками Литовским, одним батальоном Измайловского и Финляндским гвардейскими неприятеля, отражая его неоднократно»²¹.

В документах лейб-гвардии Литовского полка нам удалось найти рапорты генерал-майора Удома о действиях нестроевых чинов полка во время сражения. Так, про полкового священника Василия Андриянова было сказано: «Во время минувшего сражения 26-го Августа при с. Бородине, отправив молебствие, находился среди самого огня безотлучно при полку, стоял с крестом на фланге и духовными своими наставлениями ободрял солдат и тем более поощрив оных к побеждению врага. Раненых причащал и утешал наставлениями, а убитых погребал неупустительно»²². Также «в действительном сражении при Бородине находился и аудитор титулярный советник Щеглов и с ним полковой вагенмейстер с 12ю фурлейтами также в бывшее сражение при селе Бородине находился с патронными ящиками, доктор же Говоров и лекаря Андреевской и Добровольской и при них батальонные фельдшера и ротные цирюльники у перевязки раненых под самыми пушечными выстрелами были»²³.

Заключительная стадия сражения

Продвижение польского корпуса по Старой Смоленской дороге и постепенное отступление лейб-гвардии Финляндского полка поставило полки бригады в чрезвычайно уязвимое положение. Теперь у неприятеля появилась возможность перекрёстного обстрела как Измайловского, так и Литовского полков.

«Между тем, однако ж, неприятельская артиллерия наносила ужасной урон и приближающиеся их стрелки были многократно отражаемы, причём около 5-ти часов пополудни ранен пулею в грудь полковник Мусин-Пушкин, после которого командование полком и бригадою принято было мною.

Наступившая темнота в 8-м часу вечера заставила умолкнуть неприятельскую артиллерию и ночь застала колонны наши на тех же местах и в самом том же порядке, в каковом были поутру поставлены. В продолжении 13-ти часов, кроме трёх кавалерийских атак, сии колонны беспрерывно находились под ядрами, градами и картечью»²⁴.

К словам об удержании «тех же мест» нужно относиться с известной долей скепсиса и трактовать их в том смысле, что бригада всё-таки удержалась в районе д. Семёновское, лишь незначительно

отступив в восточном направлении к опушке леса. Это подтверждал и Удом: «Неприятель усиливался снова. И уже полк потерял множество людей, по приказанию господина генерал-адъютанта Васильчикова, который во всё сие время сражения при оном находился, отступил, отстреливаясь, к лесу, откуда снова выслал стрелков для прикрытия, соединился к Измайловскому батальону».

К этому времени в строю Литовского полка оставалось около 300 человек²⁵, командовал полком и 3-м батальоном штабс-капитан Николаев 1-й, 1-м батальоном – штабс-капитан Шульгин, 2-м батальоном – поручик князь Шаховской. Уже в темноте на крики фельдфебелей собрались и другие нижние чины, задержавшиеся в стрелках или присоединившиеся к другим частям. По преданию, на следующий день, обгоняя колонну полка, сам фельдмаршал Кутузов благодарил солдат и офицеров, сказав в конце: «Спасибо, храбрые литовцы, я вас поберегу!»²⁶.

В Измайловском полку в строю осталось два штаб-офицера, 26 обер-офицеров и 1 135 нижних чинов²⁷.

Окончательную оценку действиям гвардейцев дал генерал-лейтенант Коновницын, большую часть сражения находившийся при бригаде: «Я не могу с довольною похвалою отозваться вашей светлости о примерной неустрашимости, оказанной в сей день полками лейб-гвардии Литовским и Измайловским... Полки... в достопамятном сражении 26 августа, покрыли себя ввиду всей армии неоспоримую славою; сие ставлю себе за счастье, что мне предоставлено свидетельствовать подвиги их пред вашею светлостью»²⁸.

За отличие в сражении гвардейские полки получили немало наград. Так, все три батальона каждого полка были награждены Георгиевскими знамёнами.

В лейб-гвардии Измайловском полку последовали следующие награждения: полковник Храповицкий получил генеральский чин, четыре полковника – ордена Св. Владимира 3-й степени, десять обер-офицеров – ордена Св. Анны 2-й степени с алмазами, десять – ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом, один человек – орден Св. Владимира 4-й степени с бантом и чин, один – орден Св. Анны 2-й степени, трое – золотое оружие, шестеро – золотое оружие и чин, восемь – Св. Анны 3-й степени (на шпаги), четыре человека произведены в следующие чины; 398 нижних чинов получили знаки отличия Военного ордена; семеро портупей-прапорщиков и столько же подпрапорщиков были представлены к производству в офицерский чин.

В лейб-гвардии Литовском полку полковник Удом получил генеральский чин, подполковники Угрюмов и Тимофеев – следующие чины и ордена Св. Георгия 4-го класса (что косвенно свидетельствует о участии полка в активных боевых действиях), 13 обер-офицеров получили орден Св. Анны 2-й степени с алмазами, шесть человек – Св. Владимира 4-й степени с бантом, один – орден Св. Анны 2-й степени, 11 – золотое оружие, шесть – Св. Анны 3-й степени и столько же человек было произведено в следующие чины; 328 нижних чинов получили знаки отличия Военного ордена; семеро портупей-прапорщиков и столько же подпрапорщиков представили к производству в офицерский чин.

Потери 2-й бригады гвардейской дивизии в сражении при Бородине

Уточнив, насколько это возможно, участие 2-й бригады гвардейской дивизии в Бородинском сражении, мы не можем обойти вниманием и вопрос о потерях полков.

В этом отношении информация о потерях лейб-гвардии Измайловского полка не вызывает особых разногласий. 26 августа 1812 г. из строя выбыло штаб-офицеров и обер-офицеров: двое убито на месте, двое умерло от ран, 14 ранено и пятеро контужено²⁹.

В ведомости о потерях нижних чинов 1-й Западной армии в сражении при Бородине (сентябрь 1812 г., подписана полковником Кикиным) в лейб-гвардии Измайловском полку числилось:

убитых унтер-офицеров – 16, рядовых – 153, нестроевых – 7;

раненых унтер-офицеров – 20, рядовых – 503, нестроевых – 5;

без вести пропавших унтер-офицеров – 5, рядовых – 67, нестроевых – 1 (ошибочно указано 67)³⁰.

Данные о потерях в лейб-гвардии Литовском полку до сих пор противоречивы. До недавнего времени мы обладали следующими источниками для оценки этих потерь: рапорты командира полка полковника И.Ф. Удома от 31 августа 1812 г. Н.И. Лаврову, цесаревичу и великому князю Константину Павловичу³¹ и ведомость о потерях 1-й Западной армии в сражении при Бородине, подписанная Кикиным.

Практически во всех этих источниках данные о потерях разнятся.

Начнём с офицеров. Согласно рапорту Удома цесаревичу, в полку были убиты один штаб- и один обер-офицер, ранены чет-

веро штаб- и 35 обер-офицеров. По данным полковой истории, из строя выбыло двое офицеров убитыми и 36 ранеными, среди которых 21 человек был ранен пулями, пятеро – картечью, двое – ядром; восемь получили контузию.

Цифры о потерях нижних чинов разнятся ещё сильнее, но в большинстве исследований приводятся данные, указанные в рапортах Удома. По его рапорту Лаврову, полк «полагал» убитых «до четырёхсот, раненых до четырёхсот сорока трёх, без вести пропавших до ста тридцати человек».

При этом Удом исчислял количество вступивших в бой чинов в 143 унтер-офицера, 53 музыканта, 1 543 рядовых и одного нестроевого.

В приложенной к рапорту цесаревичу ведомости было записано: убитых унтер-офицеров – 30, музыкантов – 5, рядовых – 400; раненых унтер-офицеров – 35, музыкантов – 14, рядовых – 443, нестроевой – 1;

без вести пропавших унтер-офицеров – 13, рядовых – 100.

Очевидно, что цифра пропавших «сто тридцать» в первом рапорте трансформировалась из «113» второго рапорта.

В ведомости полковника Кикина содержатся следующие данные о потерях нижних чинов полка:

убитых унтер-офицеров – 30, рядовых – 400, нестроевых – 5;
раненых унтер-офицеров – 35, рядовых – 143, нестроевых – 15;
без вести пропавших унтер-офицеров – 13, рядовых – 100.

Опять-таки мы сталкиваемся с трансформацией числа 443 в 143. Можно видеть, что речь идёт о банальной ошибке при переписывании чисел.

Сведения о таких фатальных потерях полка противоречат общей тенденции распределения потерь в пехоте. Судя по спискам выбывших из строя, в большинстве полков количество раненых в 3–10 раз превосходило количество убитых. Кроме того, вызывают некоторые сомнения и слишком «круглые» числа убитых и пропавших нижних чинов.

В полковой истории приводятся следующие данные:

убитых унтер-офицеров – 13, рядовых – 122, музыкантов – 3;
раненых унтер-офицеров – 45, рядовых – 601, музыкантов – 9;
без вести пропавших унтер-офицеров – 3, рядовых – 111.

Эти числа выглядят гораздо реалистичнее, в целом согласуясь с процентным распределением потерь в других полках.

До сих пор окончательно подтвердить или опровергнуть данные не представлялось возможным, но не так давно автор выявил ещё один источник. В журнале исходящих бумаг лейб-гвардии Литовского полка за 1813–1814 гг. содержится «Ведомость Лейб-Гвардии Литовского полка нижним воинским чинам, выступившим из С. Петербурга»³².

В частности, в ней приводится и число убитых в 1812 г. нижних чинов: 13 унтер-офицеров, трое музыкантов и 114 рядовых, итого 130 человек. Без вести пропавшими числились три унтер-офицера, 78 рядовых и один нестроевой, т. е., часть пропавших в сражении людей в конце концов присоединились к полку. Ещё 78 человек в течение 1812 г. умерли в лазарете или были «выключены в разные места».

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что принятые до сих пор в исторической науке сведения о потерях лейб-гвардии Литовского полка в Бородинском сражении были завышены.

26 августа 1812 г. полк лишился от 130 до 138 нижних чинов убитыми, 655 ранеными и 114 пропавшими без вести.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бородино: Документ. хроника. М., 2004. С. 173–174.
- ² Там же. С. 170–171.
- ³ Там же. С. 236–237.
- ⁴ Там же. С. 176.
- ⁵ *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение: История рус. версии событий. М., 2009. С. 300–303.
- ⁶ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 165.
- ⁷ *Пестриков Н.С.* История лейб-гвардии Московского полка. СПб., 1903. Т. 1. С. 63–64.
- ⁸ *Тирион А.* Воспоминания офицера кирасирского № 2 полка о кампании 1812 года. СПб., 1912. С. 14–19.
- ⁹ Бородино: Документ. хроника. С. 174–175.
- ¹⁰ *Пестриков Н.С.* Указ. соч. С. 69–70.
- ¹¹ Бородино: Документ. хроника. С. 173.
- ¹² *Земцов В.Н., Попов А.М.* Бородино: Центр. М., 2010. С. 67.
- ¹³ Там же. С. 66.
- ¹⁴ *Висковатов А.В.* Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1851. С. 178–179.
- ¹⁵ Журнал участника войны 1812 года // Воен.-ист. сборник. 1913. №3. С. 144.
- ¹⁶ *Зноско-Боровский Н.А.* История лейб-гвардии Измайловского полка, 1730–1880. СПб., 1882. С. 59.
- ¹⁷ Бородино: Документ. хроника. С. 173–174.
- ¹⁸ Там же. С. 174.

-
- ¹⁹ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 224.
- ²⁰ Бородино: Документ. хроника. С. 221.
- ²¹ Там же. С. 269.
- ²² РГВИА. Ф. 2580. Оп.1. Д. 2089. Л. 38.
- ²³ Там же. Л. 44.
- ²⁴ Бородино: Документ. хроника. С. 174.
- ²⁵ *Пестриков Н.С.* Указ. соч. С. 82.
- ²⁶ Там же. С. 84.
- ²⁷ *Висковатов А.В.* Указ. соч. С. 180.
- ²⁸ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 94.
- ²⁹ *Висковатов А.В.* Указ. соч. С. 180.
- ³⁰ Бородино: Документ. хроника. С. 338–343.
- ³¹ Там же. С. 170–171.
- ³² РГВИА. Ф. 2580. Оп. 1. Д. 2089. Л. 87.